

УДК 281.93-051(571.12)(091)(045)

*О.П. Цысь***О НАПРАВЛЕНИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА, СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹**

Статья посвящена роли священника в жизни русского и коренного населения Тобольского Севера (в современных границах — Ханты-Мансийский и Ямало-ненецкий автономные округа). Преимущественно рассматриваются стороны общественной деятельности духовенства, оказывавшие положительное влияние на прихожан в решении задач по модернизации этого отдалённого и слабозаселённого региона. Утверждается, что в течение XIX в. обязанности причтов и благочинных постепенно возрастают. Характеризуется значение таких видов внебогослужебной деятельности духовенства, как выдача метрических справок и выписей, ведение учётно-статистической документации; развёртывание медицинского обслуживания населения и наблюдение за санитарно-гигиеническими нормами; снабжение местных жителей продовольствием; распространение передовых агротехнических приёмов; сглаживание внутренних конфликтов между русскими и коренными жителями; привлечение прихожан к благотворительности и др. Делаются выводы, что социально-просветительское служение открывало возможность укоренить на Тобольском Севере черты новой, европейской цивилизации, а изменившиеся условия общественной жизни позволили духовенству применять многовариантные пути воздействия на происходившие в региональном социуме процессы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Тобольский Север, обязанности духовенства, метрические сведения, церковная благотворительность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-603-613

Тобольский Север — исторически сложившаяся социально-территориальная общность, «периферия» Российской империи, по мнению И. В. Побережникова, в XIX — начале XX в., оставалась во власти традиции [20, с. 45]. Трансформационные процессы отличались медленными темпами включения края в общесибирское и общероссийское культурное пространство. Долгое время регион был малопривлекателен для русских как место постоянной оседлости. Хозяйственный уклад, формы природопользования, особый характер налогообложения, продовольственное обеспечение, образ жизни и культурные традиции определяли относительную обособленность «инородческого» населения северного Обь-Иртышья (остяки — ханты, вогулы — манси, самоеды — ненцы), что не способствовало увеличению плотности населения и ускорению процессов естественной русско-инородческой аккультурации.

Взаимодействие церкви и общества на севере Тобольской епархии, так же, как и в целом в империи, происходило по нескольким уровням. Оно могло осуществляться в ходе совместной богослужебной деятельности духовенства и прихожан, проведения календарных и храмовых праздников, крестных ходов, исполнения христианских треб, проповедническо-миссионерской работы. Однако влияние церкви было комплексным и многоаспектным, не ограничивалось исключительно выполнением пастырских обязанностей, причём в отдельных сферах было более, в других — менее глубоким, меняясь в зависимости от периода и локализации.

В современной историографии заметно возросло количество исследований, посвящённых истории взаимодействия сословия духовенства, государства и приходской общины как следствия церковных реформ 1860-х — 1870-х гг.

Так, Т. Г. Леонтьева показывает «неуклонную бюрократизацию внутрицерковной жизни», где «государство определяло и конкретизировало статусные характеристики духовенства», в чём видит неиспользованный государством в достаточной степени инструмент духовной и социальной модернизации российского общества, с помощью которого можно было бы «вывести крестьянство на дорогу прогресса» [12, с. 25, 243].

Перегруженность православных пастырей обязанностями, их «чиновничий» характер, взаимозависимость власти церковной иерархии и светских бюрократов отражены в работах М. И. Одинцова [18], А. Л. Беглова [3], А. В. Васильевой [4].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002.

Участие клириков в повседневной жизни крестьян и выполнении административных задач раскрывается в монографии М. В. Пулькина. Исследователь отмечает, что при решении «мирских дел» священник далеко не всегда оставался на второстепенных ролях: приводятся примеры его влияния на жизнь сельской общины в подготовке челобитных, в выборах должностных лиц, законности решения вопроса о «взятии» рекрута и т. п. [24, с. 248–249].

Некоторые публикации посвящены взаимоотношениям причта и прихожан внутри общины [2, с. 6–7; 16; 9]. В частности, А. В. Мангилева приходит к выводу, что общественная активность клириков в пореформенный период была связана с мерами правительства, Св. Синода и архиереев, способствуя повышению статуса духовенства в глазах прихожан, а также уровня их самооценки [15, с. 6–7, 246, 398]. Анализируется также участие духовенства при минимальной государственной поддержке в становлении системы начального образования [26; 5].

Часть исследователей в большей степени акцентирует внимание на отрицательных сторонах выполнения духовенством навязанных государством «посторонних» обязанностей; другие обращают внимание на положительные результаты деятельности священно- и церковнослужителей во благо своей паствы. В целом же, на наш взгляд, вклад священно- и церковнослужителей в решение стоявших перед обществом задач по модернизации страны, тем более в таком отдалённом и слабозаселённом регионе, как Север Западной Сибири, оценён недостаточно.

При этом следует говорить и о влиянии духовенства на светскую власть и общество, и об обратном воздействии, определявшем социальный статус, занятия, повседневную жизнь и быт, материальное благополучие служителей церкви. Обратим внимание в первую очередь на одно из направлений этого сложного процесса, относящегося к участию сельских и городских клириков в решении административных, экономических и социальных вопросов, не входивших в круг их профессиональных обязанностей.

Можно рассмотреть эту проблему на основе переписки приходов, благочиний с уездными, волостными присутственными местами и инородными управами, а также Тобольской духовной консисторией (далее — ТДК), хранящейся в Государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Это позволит, с одной стороны, понять роль церковных институтов в решении повседневных запросов и русского, и аборигенного общества; с другой стороны, выяснить, насколько политика Центра корректировалась в сельской глубинке и какие она приобретала особенности под влиянием местных условий. Был проанализирован весь массив переписки Сургутского благочиния за отдельные годы второй половины XIX — начала XX вв., а также ряда приходских церквей (Ларьянской, Сургутской, Сосьвинской и др.).

В документах фонда Сургутского благочиния² содержится 29 дел, включающих входящую и исходящую корреспонденцию с 1856-го по 1911 год. Значительные по объёму единицы хранения (от 200 до 400 листов) объединяют множество распоряжений, копий указов, уведомлений, предписаний канцелярии ТДК, а также рапортов от приходов, прошений, писем, направлявшихся из епархиальных и светских (губернских, окружных, уездных) учреждений. Нами проанализированы дела за 1856, 1870, 1895, 1903 гг. Общее число входящих документов составило в 1856 г. — 139, в 1870 г. — 253, в 1895 г. — 300, в 1903 г. — в 323 [Здесь и далее подсчитано по: 6, ф. И-191, оп. 1, д. 1, 13, 20, 25], в т. ч. из ТДК в виде циркуляров и распоряжений в 1856 г. — 89 (включая Березовское духовное правление), в 1870 г. — 99, в 1895 г. — 74, в 1903 г. — 144. Большая их часть — это указы, предписания, распоряжения ТДК, чаще всего дублирующие соответствующие документы Св. Синода и касающиеся общих вопросов церковной жизни. Здесь же содержится переписка со светскими учреждениями: мещанскими обществами, инородными управами, уездными исправниками, казачьим батальоном, окружным (уездным) казначейством, отделениями государственного банка, губернским статистическим комитетом, губернатором, участковыми заседателями и др. Динамика поступлений входящей документации подобного рода выглядит следующим образом: 1856 г. — 4, 1895 г. — 38, 1903 г. — 15.

Следующая группа источников — текущее делопроизводство приходских церквей. Как и благочинному, настоятелю храма приходилось отвечать на запросы различных светских учреждений. В частности, за 1887–1888 гг. во входящей корреспонденции градо-сургутской Троицкой церкви зарегистрирован 131 документ. Из этого числа 73 поступили от волостных, окружных, губернских учреждений, частных лиц, адресатами которых являлись пешая казачья команда (сургутская местная команда)³, помощник окружного исправника, окружное полицейское управление⁴, мещанский староста,

² Сургутский благочинный одновременно был и настоятелем Сургутской Свято-Троицкой церкви.

³ Сургутских городовых казаков с 1850 г. передали в военное ведомство (сотни были переименованы в пешие роты) и Омский военный округ (сургутская местная команда).

городская больница, врачебная управа, волостные правления, инородные управы, тобольское жандармское управление, казначейство, пароходная фирма «Товарищество Курбатова и Игнатова», отделения Государственного банка.

Отпуски исходящих документов не сохранились. Об их содержании можно судить по журналам регистрации, анализ которых показывает, что львиную долю исходящих документов, предназначенных для частных лиц и светских инстанций, составляли различные метрические выписки: о крещении, смерти, заключении брака, семейном положении. Подавляющее большинство прошений к причту по данному вопросу направлялось от главы полицейского управления — сургутского окружного исправника. Таких запросов за указанный период оказалось 51 [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 2, 3, 5–5об, 7, 10–11, 14, 20, 24–24об, 34, 58–58об, 61, 74, 95, 99, 138 и др.].

Как известно, законодательством на православное духовенство было возложено ведение записи актов гражданского состояния [17, с. 50]. Переписка по поводу выдачи этих справок показывает, что сообщаемые в них сведения предоставляли получателям следующие возможности. Во-первых, они были необходимы при поступлении на службу или же в учебные заведения. В частности, в 1887 г. метрическую справку выдали сургутскому мещанину Н. И. Кайдалову для зачисления его на службу «по почтовому ведомству», в 1888 г. — метрическая выписка о семейном положении унтер-офицера для внесения сведений из неё в послужной (формулярный) список [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 78, 107].

Во-вторых, указанная информация использовалась полицией при ведении следственных дел, а также при оформлении статейных списков политических ссыльных [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 64, 66, 110, 144, 146]. Возлагаемые на окружную полицию функции заставляли обращаться к причту за метрическими справками через помощника исправника, ответственного за делопроизводство. Мотивировка запросов содержала следующую формулировку: «Для приложения к производимому мною следственному делу» или «Для следственного дела...» [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 7, 10]. Относительно духовных лиц необходимо было указать дополнительно должность и местонахождение.

В-третьих, заключение браков ссыльных с девицами «свободного состояния» допускалось с разрешения светской власти и могло последовать только в результате длительной переписки [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 50–50об]. Как пример можно привести прошение состоявшего под надзором сургутской полиции ссыльного поляка-католика Сигизмунда Лесневича о вступлении в брак с дочерью отставного казака А. И. Тверитиновой. Св. Синод допускал браки с лицами других инославных христианских исповеданий, но при условии, что они давали «подписку», что будут поступать по законам Российского государства — крестить и воспитывать детей, появившихся от этого брака, в православной вере. Эту «подписку» дворянина Подольской губернии С. М. Лесневича заверили подписями и печатями окружной исправник и благочинный [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 110]. Таким образом, священнику приходилось не только выполнять формальные обрядовые функции, но и брать на себя ответственность за дальнейшую судьбу детей от «смешанных» браков.

В-четвёртых, в некоторых случаях подобные сведения имели фискальное значение. В конце каждого месяца причт Троицкой церкви уведомлял начальника сургутской казачьей команды⁵ Омского военного округа о том, «не было ли умерших казаков упразднённой сургутской пешей казачьей команды», указывая также «малолетков мужского пола», достигших 2-х летнего возраста и старше на 31 августа 1881 г. [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 2, 34, 57, 63, 118, 145, 156], т. е. ко времени упразднения казачьих штатных команд в Сургутском, Березовском и Нарымском уездах и обращения военных в сословие городских мещан [22, с. 90]. Именной список умерших казаков запрашивался тобольским губернским воинским начальником. Необходимость подобного рода информации, вероятно, связана с тем, что, согласно высочайше одобренному мнению Государственного Совета от 19 мая 1881 г. «Об упразднении Березовской, Сургутской и Нарымской казачьих команд и причислении к мещанскому сословию», бывшие казаки в течение 10 лет, т. е. до 1891 г., освобождались от платежей окладных сборов [22, с. 90]. Таким образом, предоставляемые причтом сведения служили основанием для со-

⁴ Сургутское отделение Березовского округа с 1867 г. получает ранг самостоятельного округа. Вместо земского суда и городничего возникло окружное полицейское управление, заведовавшее правоохранительными, хозяйственными и финансовыми делами, в т. ч. надзором за ссыльными.

⁵ Казачество, сургутское и березовское, в первые века «русской» Сибири выполняло важные задачи колонизации края, охраны государственных интересов. В первой половине XIX в. правительство ещё находило кое-какие дела для местных казаков, но к концу столетия убыточность для государства их содержания стала очевидной и потребность в казачьей службе отпала.

ставления и корректировки списков льготных категорий мещан (бывших военнослужащих), которым оказывалась государственная поддержка.

В целом же без метрики — документа, отражающего базовые социальные характеристики подданного империи, — трудно было рассчитывать на то, чтобы изменить свой статус, род занятий и место пребывания. Однако в отношении коренного населения это правило следует применять со значительными оговорками. Власть со времён Петра I всячески стремилась включить «инородцев» в систему демографического учёта, но до конца рассматриваемого периода в полной мере этой цели достичь не удалось. Множество остяков и тем более самоедов не вступало в официальный брак [6, ф. И-191, оп. 1, д. 22, л. 138–138об; д. 15, л. 106–106об; ф. 427, оп. 1, д. 22, л. 17–17об]. Доля незаконнорождённых среди них в несколько раз превышала общероссийские показатели. Господство отношений, характерных для традиционного общества, сводило для «инородцев» к минимуму необходимость получения подобного рода справок и выписок.

Метрические сведения, составляемые причтами, нужны были не только для удовлетворения текущих нужд русскоязычных жителей края и запросов гражданских ведомств. Они использовались общественными деятелями при определении численности коренного населения за продолжительные промежутки времени. Полученные результаты становились основой для выработки государственной политики в отношении «инородцев». Характерный пример — дискуссия о «вымирании», разворачивавшаяся на рубеже XIX–XX вв. Начало её положил профессор Казанского университета А. И. Якобий — известный учёный, один из основоположников научной гигиены [19]. Он пришёл к выводу об «угасании» народов Тобольского Севера [28]. Его расчёты опирались на материалы приходского учёта начала XIX в., преимущественно на исповедные росписи и доступные ему современные сведения конца того же столетия. Другой исследователь — общественный деятель, самаровский лесничий А. А. Дунин-Горкавич — поставил под сомнение выводы А. И. Якобия, мотивируя своё мнение тем фактом, что приходской учёт отличался значительными погрешностями и не мог быть использован для столь однозначных выводов [7, с. 134–135].

Метрические сведения служили основой и для развёртывания отдельных видов медицинской деятельности. Приходские священники по распоряжению духовных и светских властей ежемесячно делали выборку об умерших от эпидемических болезней, которую затем отправляли в полицейские управления и врачебным управам. Согласно указу ТДК от 1 мая 1837 г. велись наблюдения «по метрическим книгам, какой младенец от какой оспы умер... какому младенцу, в каком селении или юртах, и каких лет привита оспа, и с каким успехом» [6, ф. И-156, оп. 16, д. 271, л. 31–32; ф. И-707, оп. 1, д. 3, л. 441об].

Информация о появлении «повальных и заразительных болезней» помогала принимать предупредительные меры окружным врачебным службам [6, ф. И-191, оп. 1, д. 5, л. 87]. В 1892 г. ларьякский священник Н. А. Силин сообщал, что в середине февраля появилась эпидемия, свирепствующая в самом селе: «Тут нет такого дома, где не было всех или наполовину больных». Священник называет её симптомы: воспаление горла, сухой кашель, боль всей груди и т. д. Настоятель прихода выражал опасение, что с наступлением тепла болезнь примет широкий размах, т. к. «болотистые местности не дадут сухого и свежего воздуха». Поэтому Н. А. Силин выражал надежду, что «Если бы остался фельдшер в селе, тогда можно было бы надеяться на некоторую помощь, а теперь только руками разведёшь, со скорбью понимаешь головой и подумаешь: неужели люди тут в глуши не имеют права на медицинскую помощь? Едва ли так. Всё это вынудило меня довести до сведения Вашего [сургутского благочинного], как члена комитета народного здравия... с покорнейшей просьбой к вам о благочинный обратить благосклонное внимание Сургутского Комитета народного здравия на выше изложенное может быть и наш голос о помощи из далёкой глуши будет услышан...» [6, ф. И-191, оп. 1, д. 18, л. 96]. Просьба не осталась без ответа. Окружным врачом в Ларьяк назначается лекарский ученик «для определения появившейся болезни», а вскоре здесь был открыт фельдшерский пункт.

Священники контролировали санитарно-гигиенические нормы при погребении умерших и надлежащее состояние мест захоронения [6, ф. И-191, оп. 1, д. 13, л. 187а]. В ведении церкви находился общий надзор за благоустройством кладбищ, о чём, в частности, говорилось в одном из пунктов указа ТДК: «Всевозможно располагать настоятелей церквей и старост заботиться о поддержании чистоты на кладбищах, каковая достижима при условии ежегодной очистки мусора... к насаждению деревьев на кладбищах принять все зависящие меры, так как деревья служат одним из лучших способов к обезвреживанию кладбищ и самым дешёвым украшением их» [6, ф. И-191, оп. 1, д. 25, л. 296об].

В ряде случаев приходилось отступать от принятого в христианстве порядка проводов прихожан в мир иной. Так, сургутский городской врач в 1887 г. во время эпидемии просил благочинного нарушить традиционную погребальную обрядность — захоронение умершего на третий день, «ввиду могущего произойти от сего распространения заразы от инфекционного трупа», скорейшем отпевании усопшего «ранее положенного церковного срока» и предании его тела земле в день кончины [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 150, 153, 159].

В переписке причта с присутственными местами встречаются прошения от сургутской городской больницы и полицейского управления о погребении за счёт церкви и о совершении молебнов на кладбищах «об усопших не имевших родственников» [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 9, 15–16, 26, 136, 149]. Таковыми чаще являлись «инородцы» из дальних юрт, помещённые в сургутскую больницу на лечение, либо переселенцы с пароходов, умершие в пути, реже — находившиеся в командировке по служебным обязанностям в Сургутском крае [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 8–9, 15–16об, 41].

До 1894 г. переселенческое движение за Урал шло главным образом водным путём через Тюмень до Томска по Туре, Иртышу и Оби. Смертность переселенцев, отправляющихся на новые места, оставалась высокой. Как отмечали дореволюционные исследователи «переселенческого вопроса», крестьяне, покидая из-за малоземелья родные места, пускались в путь малоподготовленными к дальней дороге, нередко с малолетними детьми, терпели во время следования в Сибирь множество лишений и тягот [29, с. 282; 13, с. 354; 10, с. 26, 29]. За 1887 г. сургутским окружным полицейским управлением сообщалось о трёх смертях на пароходах, проходящих из Тюмени в Томск мимо Сургута. В подобных случаях капитан или представитель судовладельца обращался к полиции и причту сургутской Троицкой церкви «передать тело... земле по христианскому обычаю» [6, ф. И-189, оп. 1, д. 77, л. 15–16об].

Ещё одна проблема, затрагивавшаяся в переписке благочиний и причтов, — продовольственное снабжение населения. То, что обеспечение хлебом северного края периодически вызывало большие затруднения, свидетельствуют замечания, высказанные гражданскими губернаторами А. М. Корниловым [11, с. 69–70, 79, 88] и В. А. Тройницким [8, с. 361–368] по итогам их поездок на Тобольский Север.

Русская православная церковь принимала участие в становлении в крае, несмотря на его суровые природно-климатические условия, традиционной русской земледельческой культуры, практикуя занятия животноводством, опыты по посеву хлебов, выращиванию овощей.

Указом Св. Синода 1841 г. через ТДК направляется предложение министра государственных имуществ П. Д. Киселёва о необходимости приглашать «поселян» к посеву картофеля «как овоща, который менее прочих подвержен влиянию засухи и в случае неурожая хлеба доставляет здоровую пищу» [6, ф. И-189, оп. 1, д. 17, л. 41–43, 114]. О принятой правительством мере к распространению этой огородной культуры сообщалось через духовные правления всем причтам Березовского края. Духовенству консистория предписала не только довести до сведения прихожан всю «очевидную пользу» от разведения картофеля, но и «внушением и собственным примером, содействовать приведению сей меры в исполнение» [6, ф. И-189, оп. 1, д. 17, л. 43]. Особо «ревностным в сельскохозяйственных успехах» государь, «пекущийся о благе своих верноподданных... соизволил назначить особые премии в 15–20 рублей серебром» [6, ф. И-189, оп. 1, д. 17, л. 114].

Как показала Н. А. Миненко, охотничий и рыбные промыслы, торговля являлись основой существования малочисленных групп русского населения Северо-Западной Сибири на всём протяжении XVIII — первой половины XIX в. и сохраняли своё значение в последующем [14, с. 52–70]. Н. А. Абрамов, живший в Березове в 1840-х гг., писал о сильных наводнениях, мешавших занятию сельским хозяйством [1, с. 402, 432], но в то же время отмечал, что всё русское население практиковало выращивание огородных культур. В 1851–1853 гг. сургутский благочинный В. А. Кайдалов производил опыты с посевом ячменя, овса и конопли; собирал информацию о сельскохозяйственных экспериментах местного населения [6, ф. И-189, оп. 1, д. 1, л. 10об]. За успешные земледельческие опыты он получил благодарность от Русского Императорского географического общества, а в 1861 г. был награждён малой золотой медалью Вольного экономического общества. Юганский священник И. Я. Тверитин известен своими многолетними опытами по акклиматизации зерновых культур к северным условиям края. Тщательные наблюдения позволили И. Я. Тверитину сделать вывод, что в районе с. Юган целесообразно выращивать только озимые, в первую очередь — рожь. Были установлены оптимальные сроки засева и сбора зерновых, агротехнические приёмы и орудия труда. Помимо расширения пашни, увеличившейся к 1867 г. до 14 десятин, священник построил в Югане мельницу, овин. С 1859 г. он производил опытные посадки картофеля, к концу XIX — началу XX вв. ставшего основной огородной культурой края. В голодные годы юганский священник продавал скопившиеся у него запасы хлеба по цене вдвое ниже рыночной, а затем и во-

все раздавал выращенное им зерно бесплатно. «Из этой ржи инородцы как и из муки приготавливали для себя пищу кашу, по слову их называемую “бурдук”, единственную пищу употребляемую ими во всякое время голода», — отмечалось в переписке генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта [6, ф. И-152, оп. 39, д. 74, л. 26]. Отчёты о своих сельскохозяйственных опытах И. Я. Тверитин отсылал в научные журналы — «Труды Вольного экономического общества», «Вестник Императорского Русского Географического общества», и отправил семена ржи «весьма хорошего качества» на Всероссийские сельскохозяйственные выставки 1860 и 1864 гг. [25].

Малочисленность чиновничества, отдалённость от губернского центра при отсутствии регулярного транспортного сообщения приводили к тому, что повсеместно на приходских священников возлагалась обязанность информирования населения о важнейших событиях, произошедших в стране [6, ф. И-189, оп. 1, д. 52, л. 70–70об]. К их числу относились объявления о начале войны и заключении мира, о бракосочетании царствующих особ, рождении членов императорской семьи, о «покушении на священную жизнь его величества», проведении общественно-политических реформ и др.

Так, за 1856 г. сургутский причт получил 6 подобных документов, включая манифесты «о благополучно совершившемся бракосочетании их императорских высочеств великого князя Николая Николаевича с великой княгиней Александрой Петровной», «о должном свершиться в августе священном короновании и помазании его императорского Величества» [6, ф. И-189, оп. 1, д. 1, л. 4, 9].

На духовенство могли возлагаться и своего рода «экстраординарные» обязанности. Березовская городская управа в январе 1888 г. обратилась к причту и старосте березовского Воскресенского собора с просьбой использовать церковный колокол для подачи сигнала тревоги по случаю «огненной стихии» или наводнения. Подавляющее большинство зданий на Тобольском Севере было деревянным. В документах часто встречаются свидетельства о признании необходимым «в случае пожара производить набатный звон на ближайших к месту пожара церквях» [6, ф. И-191, оп. 1, д. 10, л. 171; оп. 1, д. 25, л. 305]. Поэтому понятно, что члены городской управы после повреждения сигнального и часового колокола просили на время использовать для «отбития тревоги» колокол собора, оповещающая население о тревожных ситуациях [23, с. 357].

Всем причтам севера епархии ТДК в 1892 г. поручалось предоставить географические карты приходов «с указанием рек, болот, лугов и лесов», числа жителей [6, ф. И-191, оп. 1, д. 18, л. 7–7об]. Священник с. Юган рапортом от 15 мая 1892 г. отчитался о составлении географической карты Юганского Богоявленского прихода [6, ф. И-191, оп. 1, д. 18, л. 126]. Во время ревизии Нижне-Лумпокольской церкви епископом Евсеием (Гроздовым) в июне 1911 г. в путевом журнале появилась запись: «приятно удивлён» умело исполненной географической карте, на которой были указаны все селения прихода и границы соседних приходов [21].

Причты занимались сбором статистических сведений об образовательных учреждениях края. Комитет грамотности Императорского вольного экономического общества в 1895 г. обращался с просьбой о предоставлении данных о начальных училищах, приютах и воскресных школах на территории благочиний Тобольского Севера [6, ф. И-191, оп. 1, д. 18, л. 1–11; д. 20, л. 105–107]. Тобольское губернское правление приглашало благочинных к сотрудничеству в подготовке девятого выпуска календаря Тобольской губернии на 1896 г., просило сообщить о том, какими материалами можно было бы дополнить это издание, указать на неточности и недочёты [6, ф. И-191, оп. 1, д. 18, л. 277–277об].

Выполняя роль регулятора нравственных ценностей в обществе, православные причты и миссионеры сообщали гражданским властям о тех непорядках, которые встречались в социальном устройстве. В первую очередь их беспокоила имущественная несостоятельность инородцев, являвшаяся следствием не только их отсталости, но и коррупционных махинаций вахтёров хлебозапасных магазинов⁶. Надлежащего надзора за кредитной торговлей не существовало. Священники (как и настоятели Кординского монастыря) обращали внимание епархиальных властей на то, что остяки находятся в «неуплатных долгах» за казённый хлеб. В 1884 г. сургутскому благочинному поступил рапорт от настоятеля юганской Богоявленской церкви, где он, объясняя причины падения за последний год продажи ритуальных свечей, сетовал на разорение паствы: «Он [инородец. — О. Ц.] от дня рождения своего не едал хлеба дешевле руб. серебром за пуд, получая за такую цену хлеб... Не имея возможности уплатить за годовой в казну хлеб, много ли он может и на чего брать воска при церкви?... Содействий со стороны гражданского Начальства нет никаких, несмотря на то, что извещаем и просим оное в таковом деле» [6, ф. И-191,

⁶ Вахтёр (или смотритель, заведующий) хлебозапасного магазина принимал доставленную баржами муку, хранил её, отпускал коренному населению, вёл учёт.

оп. 1, д. 15, л. 106об]. Образ священника-заступника и помощника стал частью изменившихся представлений «инородца» о «русском мире», контрастировавшего со взглядами на хищного купца, мелкого чиновника, опутывавшего коренных жителей сетями неоплатных кредитов.

Хотя священнику иногда приходилось вступать на защиту прав аборигенов, его возможности были очень ограничены. В 1889 г. произошёл примечательный случай в с. Ларьякском Сургутского уезда. К церковной сторожке пришли местные остяки, которые стали жаловаться на временно проживающих в селе мещан, которые «истребляют у них лес, захватывают угодья и даже начинают бить их хозяев за то, что они остяки не отступаются от своих угодий». По этому поводу произошла драка между заезжим мещанином Филипповым и остяком Лелениным. Священник Н. А. Силин разнял дерущихся, сказав, что «закон Божий запрещает отнятие чужой собственности, что это есть великий грех перед Богом, потому что нарушается заповедь Божия, повелевающая любить ближнего как самого себя, грех пред правительством, потому что пренебрегаются законы, на которых утверждается благосостояние народа; грех перед обществом, потому что разрушается спокойствие и безопасность членов его; грех пред ближним, потому что им причиняется обида и разорение» [6, ф. И-191, оп. 1, д. 17, л. 14об]. Интересно заметить, что псаломщик не поддержал Н. А. Силина, заявив, что земля здесь государственная и русские такие же её хозяева, как и остяки.

Вопросы, связанные с наследованием имущества, как верно отметил М. В. Пулькин, также могли решаться при участии приходского духовенства [24, с. 251]. Традиционными были обращения неграмотных крестьян за посредническими услугами к причту в составлении документов, заключении сделок, соглашениях.

Тесное сотрудничество наблюдалось между членами строительного комитета по возведению или ремонту церковных зданий, в состав которого включался и приходской священник. Государство регламентировало практику строительства храмов, регулировало систему мирских должностей в приходах, размеры содержания причта прихожанами. Духовенство должно было воздействовать на мирское общество с целью выделения им сил и средств для поддержания храма в надлежащем виде, расширения и ремонта причтовых построек. Кроме того, приходская община договаривалась о суммах вознаграждения просвирни, сторожа и др. лиц, нанятых церковью.

К примеру, собирая необходимую денежную сумму для перестройки ваховской Богоявленской церкви Сургутского уезда в начале XX в., решением прихожан — «инородцев» был выделен рыболовный песок. Промысловый участок сдавался в аренду, доходы шли на пополнение сумм строительного комитета [6, ф. И-156, оп. 18, д. 27, л. 1, 23, 30]. Жителям села — и русским, и хантам — приходилось организовывать торги, искать подрядчиков, благотворителей, заниматься раскладкой недостающих средств, вести переговоры о бесплатном отпуске леса и др. Вся указанная работа не могла не способствовать объединению прихожан для решения задач, отвечавших общественным интересам, служивших благу самой Церкви.

Во время строительства Нижне-Вартовской Сергиевской церкви (1911–1913 гг.) причту пришлось оказывать прямое административное давление (в т. ч. и с помощью полиции) на прихожан, чтобы заставить их принять решение о переносе храма с левого на правый берег Оби.

Священники Нижне-Лумпокольской и Сосвинской церковью пытались привлечь «молодых остяков» к обучению плотницкому ремеслу, чтобы выполнять работы строительства церкви собственными силами, без подрядчиков. В перспективе предполагалось, что, приобретя ремесленные навыки, они смогут «быть для себя домостроителями и, женись на русских девицах, заведут посредством жён своих домоводство, как ухаживать за коровами, ибо они любят лакомиться молоком и маслом, и, не умея сего делать, покупают у русских, через что разоряются» [6, ф. И-152, оп. 31, д. 101, л. 3об]. Хотя о реализации данного намерения у нас нет сведений, очевидно стремление духовенства способствовать приобщению «инородцев» к традициям более «высокой» русской культуры.

Представители церкви, государства и общества неизменно сотрудничали в благотворительной и просветительской деятельности. В России во второй половине XIX — начале XX вв. не было единого органа, который бы контролировал и координировал работу общественных благотворительных организаций. Инициатором оказания филантропической помощи выступали, как правило, царствующие особы, организовавшие Российское общество Красного Креста, Императорское Православное Палестинское общество, Православное миссионерское общество, ведомство учреждений императрицы Марии для социальной защиты слепых и т. п. Для организации частной благотворительности образуются комитеты и региональные отделы этих обществ, а через православные приходы проводится ежегодный сбор пожертвований на различные цели. В 1856 г. были отправлены лишь два напмина-

ния от ТДК в Сургутское благочиние о кружечных сборах в пользу епархиального Попечительства о бедных духовного звания [6, ф. И-191, оп. 1, д. 1, л. 11об, 149–150], тогда как в 1892 г. от пяти церквей Сургутского благочиния поступила благотворительная помощь в виде общецерковных тарелочных и кружечных сборов в размере 113 руб. 18 коп. Настоятели приходов распределили их по девяти фондам, по их представлениям наиболее важным: 61 % средств — на епархиальные духовные училища, 14 % — в помощь голодающим в неурожайные 1891–1892 гг., 13 % — церковно-приходским школам империи, 4 % — на миссионерские нужды, 3,2 % — в пользу Иерусалимской церкви Гроба Господня и «на улучшение быта православных паломников в Палестине», 2,6 % — беднейшему духовенству Тобольской епархии, а оставшиеся 2,2 % — на японскую миссию, на содержание беднейших православных церквей в империи, епархиальное Братство св. вмч. Дмитрия Солунского, попечительство императрицы Марии Александровны о слепых [6, ф. И-191, оп. 1, д. 18, л. 23; д. 25, л. 41–46]. В 1903–1906 гг. циркулярных «приглашений к пожертвованиям» сургутскому благочинному разсылалось ТДК уже более 20 в год [6, ф. И-191, оп. 1, д. 20, л. 16–16об; д. 25, л. 5, 7, 10, 36, 40–41, 93, 98–98об; д. 26, л. 20, 23–23об, 63, 85, 123–130].

В каждом конкретном случае священнику приходилось разъяснять прихожанам, на что он предлагает им пожертвовать свои деньги. Церковная благотворительность способствовала не только укреплению такого качества, как милосердие и распространению христианской заботы о ближнем, но и помогала лучше понять, чем живёт страна, осознать себя её органической частью.

На севере Тобольской епархии сложились не только особые условия, в которых священно- и церковнослужители выполняли свои основные обязанности, вели проповедническо-миссионерскую деятельность и искали источники существования. Здесь у духовенства имелась возможность применять многовариантные методы и формы воздействия на происходившие в региональном социуме процессы. Оно было опорой, проводником курса правительства, помогая основной массе населения Северо-Западной Сибири — коренным жителям — освободиться «от пут невежества» через принятие православной веры. Социально-просветительское служение давало возможность укоренить на «инородческом севере» черты новой, европейской цивилизации. Однако в большей степени это влияние удалось распространить на русских переселенцев, вовлекаемых в общий процесс строительства православного мира в Сибирских землях. В некоторых отношениях это влияние носило в значительной степени формальный, хотя и важный для населения характер (например, предоставление услуг при выдаче справок), в других — было определяющим на начальном этапе становления и развития определённой институции (таких, как информационная деятельность, медицинская помощь, сельское хозяйство, учёт), но со временем снижалось. Подчас такое влияние — оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода (строительство храмов, обучение подрастающего поколения). Государству удалось мобилизовать духовенство на оказание содействия ему в освоении пространств и ресурсов севера, дать ему возможность для достижения своих целей в переустройстве общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края. М.: Исеть, 1993. 83 с.
2. *Бабушкина О. Ю.* Взаимоотношения причта и мира в сибирской деревне // Религия, человек, общество. Тезисы международного научного религиоведческого конгресса. Курган: Изд-во КГУ, 1998. Ч. 2. С. 6–7.
3. *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. // Вестн. ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 56–81.
4. *Васильева А. В.* Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2015.
5. *Гизей Ю. Ю.* Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 141 с.
6. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».
7. *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север: В 3 т. М.: Либерея. 1996. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. 432 с.
8. Из записок тобольского губернатора В. А. Тройницкого «Неурожай в Тобольской губернии 1891 года» // Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2000. С. 361–368.
9. *Караваева Е. В.* Нормативные акты — основа для участия православного клира Томской губернии в благоустройстве сельских кладбищ (вторая половина XIX–XX в.) // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 1. С. 63–67.

10. *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворённых на казённых землях Томской губернии, по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора подворного исследования. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1896. Т. 2. Ч. 1. 25 с.
11. *Корнилов А. М.* Замечания о Сибири. СПб.: типография Карла Крайя, 1828. 105 с.
12. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
13. *М. К.* Переселенцы в тобольской губернии // *Сибирский листок*. 1890–1894. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 352–359.
14. *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
15. *Мангилева А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Университетское изд-во, 2015. 477 с.
16. *Мухортова Н. Н.* Городская приходская община в Западной Сибири во второй половине XVIII в. — 60-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.
17. О духовенстве и о приходах (извлечение из Устава духовной консистории) // *Права и обязанности благочинного приходских церквей*. М.: Унив. тип., 1900. С. 43–85.
18. *Одинцов М. И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. Москва: ЦИНО, 2002. 310 с.
19. *Петрова З. П.* Учёный гигиенист и общественный деятель Аркадий Иванович Якобий (к 100-летию со дня смерти) // *Международный медицинский журнал*. 2008. № 2 (30). С. 133–136.
20. *Побережников И. В.* Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX — начала XX века // *Вестн. Пермск. ун-та*. 2013. № 3 (23). С. 44–52.
21. Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Сургутского и Тобольского уездов // *Тобольские епархиальные ведомости*. 1911. № 21. Отдел неофиц. С. 487–495.
22. Полное собрание законов Российской империи. 3-е. Т. 1. № 184.
23. Православные приходы Березовского края в XIX — начале XX века (материалы по истории местных сообществ Азиатской России) / сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Турова. Тюмень: Вектор Бук, 2004. 461 с.
24. *Пулькин М. В.* Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонцевской епархии). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422 с.
25. *Тверитин И. Я.* Священник — хлебороб / сост. Ю. А. Белоножко, ред. В. К. Белобородов. Шадринск: Исеть, 1993. 36 с.
26. *Цысь В. В., Цысь О. П.* Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX — начале XX вв. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2011. 305 с.
27. *Цысь О. П.* О некоторых особенностях документооборота благочиния Русской Православной церкви во второй половине XIX — начале XX вв. (на примере Сургутского церковного округа Тобольской епархии // *Источниковедческие и историографические аспекты Сибирской истории: коллективная монография / под общ. ред. Я. Г. Солодкина*. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. Ч. 10. С. 80–88.
28. *Якобий А. И.* Остатки северной части Тобольской губернии: (формы угасания, причины и меры помощи): доклад сделан в соединенном заседании комитета Тобольского губернского музея и Тобольского физико-медицинского общества 28 марта 1895 г. // *Ежегодник Тобольского губернского музея*. Тобольск: Губернская типография, 1895. Вып. 4. С. 1–25.
29. *Ядринцев Н.* Публицистика и переселенческий вопрос // *Сибирский листок*: 1890–1894. Тюмень: Мандрика, 2003. С. 282–291.

Поступила в редакцию 11.12.2018

Цысь Ольга Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»
628605, Россия, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56
E-mail: tsysv@rambler.ru

O.P. Tsys

**ON THE DIRECTIONS OF INTERACTION BETWEEN THE ORTHODOX CLERGY,
SECULAR POWER AND SOCIETY IN THE TOBOLSK NORTH IN THE XIX – EARLY XX CENTURY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-603-613

The article is devoted to the role of priests in the life of the Russian and indigenous population of the Tobolsk North (in the modern borders – Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Districts). The sides of social activity of the

clergy, which had a positive influence on the parishioners in solving the problems of modernization of this remote and sparsely populated region, are mainly considered. It is stated that during the XIX century the duties of the parishes and rural deans have been gradually increasing. The importance of the following types of extra-liturgical activities is described: issuance of metric certificates and extracts, maintenance of accounting and statistical documentation, deployment of medical services for the population and monitoring of sanitary and hygienic standards, food supply to local residents, dissemination of advanced agro-technical methods, smoothing internal conflicts between Russians and natives, attraction of parishioners to charity, etc. Conclusions are made that the socio-educational service opened an opportunity to root in the Tobolsk North the features of a new, European civilization, and the changed conditions of social life allowed the clergy to apply multiple ways of influencing the processes taking place in the regional society.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tobolsk North, duties of the clergy, metric information, church charity.

REFERENCES

1. *Abramov N. A.* Opisanie Berezovskogo kraia [Description of Berezovsky region]. Moscow, Iset Publ., 1993, 83 p. (In Russian).
2. *Babushkina O. I.* Vzaimootnosheniia prichta i mira v sibirskoi derevne [The relationship of clergy and peace in the Siberian village]. *Religiia, chelovek, obshchestvo. Tezisy mezhdunarodnogo nauchnogo religiovedcheskogo kongressa* [Religion, man, society. Abstracts of the International Scientific Religious Congress]. Kurgan, KGU Publ., 1998, part 2, pp. 6–7. (In Russian).
3. *Beglov A. L.* Pravoslavnyi prikhod Rossiiskoi imperii kak ob'ekt fiskal'noi politiki svetskikh i tserkovnykh vlastei v kontse XIX — nachale XX v. [The Orthodox parish of the Russian Empire as an object of fiscal policy of secular and church authorities in the late 19 — early 20 century]. *Vestnik PSTGU II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Bulletin of PSTGU II: History. History of the Russian Orthodox Church], 2014, issue 2 (57), pp. 56–81. (In Russian).
4. *Vasileva A. V.* Sotsiokul'turnyi oblik pravoslavnogo dukhovenstva v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX — nachale XX vv. [Socio-cultural image of the Orthodox clergy in Western Siberia in the late 19 — early 20 centuries]. Diss. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2015. (In Russian).
5. *Gizeiu I. I.* Tserkovno-prikhodskaiia shkola Tomskoi eparkhii (1884–1917) [Parish School of the Tomsk Diocese (1884–1917)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004, 141 p. (In Russian).
6. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tiimenskoi oblasti "Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske" [State institution of the Tyumen region "State Archive in the city of Tobolsk"]. (in Russian, unpublished).
7. *Dunin-Gorkavich A. A.* Tobol'skii Sever: [Tobolsk North] in 3 Vol. Moscow, Libereia Publ., 1996, vol. 2, 432 p. (In Russian).
8. Iz zapisok tobol'skogo gubernatora V. A. Troinitskogo "Neurozhai v Tobol'skoi gubernii 1891 goda" [From the notes of Tobolsk Governor V. A. Troinitsky "Crop failure in Tobolsk province in 1891"]. *Sibirskie i tobol'skie gubernatory: istoricheskie portrety, dokumenty* [Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents]. Tiumen, Tiimenskii izdatel'skii dom Publ., 2000, pp. 361–368. (In Russian).
9. *Karavaeva E. V.* Normativnye akty — osnova dlia uchastii pravoslavnogo klira Tomskoi gubernii v blagoustroistve sel'skikh kladbishch (vtoraia polovina XIX–XX v.) [Regulatory acts — the basis for the participation of the Orthodox clergy of the Tomsk province in the improvement of rural cemeteries (the second half of the 19–20 centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2012, no. 1, pp. 63–67. (In Russian).
10. *Kaufman A. A.* Khoziaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemliakh Tomskoi gubernii, po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniiu g. tomnskogo gubernatora podvornogo issledovaniia [The economic situation of immigrants settled in the state-owned lands of the Tomsk province, according to data produced in 1894, on behalf of the Tomsk governor of the household research]. St. Petersburg, V. Bezobrazov i Ko Print. House, 1896, vol. 2, part 1, 25 p. (In Russian).
11. *Kornilov A. M.* Zamechaniia o Sibiri. [Notes on Siberia]. St. Petersburg, Karl Krai Print. House, 1828. 105 p. (In Russian).
12. *Leonteva T. G.* Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX — v nachale XX v. [Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the 19 — at the beginning of the 20 century]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2002, 253 p. (In Russian).
13. *M. K.* Pereselentsy v tobol'skoi gubernii [Migrants in the Tobolsk province]. *Sibirskii listok. 1890–1894.* [Siberian leaflet. 1890–1894]. Tiumen, Mandrika Publ., 2003, pp. 352–359. (In Russian).
14. *Minenko N. A.* Severo-Zapadnaia Sibir' v XVIII — pervoi polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskii ocherk [North-Western Siberia in the 18 — first half of the 19 century: a historical and ethnographic essay]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 308 p. (In Russian).
15. *Mangileva A. V.* Sotsiokul'turnyi oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoi gubernii v XIX — nachale XX v. [Socio-cultural image of the parish clergy of the Perm province in the 19 — early 20 century]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2015, 477 p. (In Russian).

16. *Mukhortova N. N.* Gorodskaiia prikhodskaiia obshchina v Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVIII v. — 60-kh gg. XIX v. [The urban parish community in Western Siberia in the second half of the 18th century — 60s. 19 century]. Diss. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2000. (In Russian).
17. O dukhovenstve i o prikhodakh (izvlechenie iz Ustava dukhovnoi konsistorii) [About the clergy and parishes (extract from the Spiritual Consistory)]. Prava i obiazannosti blagochinnogo prikhodskikh tserkvei [Rights and Obligations of the Parish Churches]. Moscow, Univ. tip. Publ., 1900, pp. 43–85. (In Russian).
18. *Odintsov M. I.* Russkaia pravoslavnaia tserkov' v XX veke: istoriia, vzaimootnosheniia s gosudarstvom i obshchestvom [Russian Orthodox Church in the 20th century: history, relations with the state and society]. Moscow, TsINO Publ., 2002, 310 p. (In Russian).
19. *Petrova Z. P.* Uchenyi higienist i obshchestvennyi deiatel' Arkadii Ivanovich Iakobii (k 100-letiiu so dnia smerti) [Scientific hygienist and public figure Arkady Ivanovich Jacobi (on the 100th anniversary of his death)]. Mezhdunarodnyi meditsinskii zhurnal [International Medical Journal], 2008, no. 2 (30), pp. 133–136. (In Russian).
20. *Poberezhnikov I. V.* Sever Zapadnoi Sibiri v kontekste rossiiskoi modernizatsii XIX — nachala XX veka [North of Western Siberia in the context of Russian modernization of the 19 — early 20 century]. Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University], 2013, no. 3 (23), pp. 44–52. (In Russian).
21. Poezdka Ego Preosviashchenstva, Preosviashchennogo Evsevia, Episkopa Tobol'skogo i Sibirskogo, dlia obozreniia tserkvei Surgut'skogo i Tobol'skogo uezdov [The trip of His Grace, His Eminence Eusebius, Bishop of Tobolsk and Siberia, for viewing the churches of Surgut and Tobolsk counties]. Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti [Tobolsk diocesan statements], 1911, no. 21, otdel neofits., pp. 487–495. (In Russian).
22. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of the laws of the Russian Empire]. Vol. 1, no. 184. (In Russian).
23. Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraia v XIX — nachale XX veka (materialy po istorii mestnykh soobshchestv Aziatskoi Rossii) [Orthodox parishes of Berezovsky Krai in the 19 — early 20 centuries (materials on the history of local communities in Asian Russia)]. Tiumen, Vektor Buk Publ., 2004, 461 p. (In Russian).
24. *Pul'kin M. V.* Pravoslavnyi prikhod i vlast' v seredine XVIII — nachale XX v. (po materialam Olonetskoii eparkhii) [Orthodox parish and power in the middle of the 18 — early 20 century (based on materials from the Olonets Diocese)]. Petrozavodsk, Karelskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2009, 422 p. (In Russian).
25. *Tveritin I. Ia.* Sviashchennik — khleborob [Priest — grain grower]. Shadrinsk, Iset Publ., 1993, 36 p. (In Russian).
26. *Tsys' V. V., Tsys' O. P.* Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX — nachale XX vv. [Education and enlightenment in the North of Western Siberia in the 19 — early 20 centuries]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk Humanitarian University Press, 2011, 305 p. (In Russian).
27. *Tsys' O. P.* O nekotorykh osobennostiakh dokumentooborota blagochiniia Russkoi Pravoslavnoi tserkvi vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv. (na primere Surgut'skogo tserkovnogo okruga Tobol'skoi eparkhii) [On some features of the document circulation of the deanery of the Russian Orthodox Church in the second half of the 19th — early 20th centuries (on the example of the Surgut church district of the Tobolsk diocese)]. Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty Sibirskoi istorii: Kollektivnaia monografiia [Source Study and Historiographical Aspects of Siberian History: A Collective Monograph] / pod obshch. red. Ia.G. Solodkina. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk Humanitarian University Press, 2015, pp. 80–88. (In Russian).
28. *Iakobii A. I.* Ostiaki severnoi chasti Tobol'skoi gubernii: (formy ugasaniia, prichiny i mery pomoshchi): doklad sdelan v soedinennom zasedanii komiteta Tobol'skogo gubernskogo muzeia i Tobol'skogo fiziko-meditsinskogo obshchestva 28 marta 1895 g. [Ostyaks of the northern part of the Tobolsk province: (forms of extinction, causes and measures of assistance): a report was made in the joint meeting of the committee of the Tobolsk provincial museum and the Tobolsk Physico-Medical Society on March 28, 1895]. Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeia [Yearbook of the Tobolsk provincial museum. Tobolsk]. Tobolsk, Gubernskaia tipografiia Publ., 1895, issue 4, pp. 1–25. (In Russian).
29. *Iadrintsev N.* Publitsistika i pereselencheskii vopros [Publicism and the resettlement issue]. Sibirskii listok: 1890–1894 [Siberian leaflet. 1890–1894]. Tiumen, Mandrika Publ., 2003, pp. 282–291. (In Russian).

Received 11.12.2018

Tsys' O.P., Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian History
Nizhnevartovsk State University
Lenina st., 56, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Tyumen region, Russia, 628605
E-mail: tsysv@rambler.ru